

УДК 159.923

DOI: 10.17223/17267080/57/5

А.В. Немцев

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Смысловая сфера религиозных людей (на примере православных верующих)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 12-06-31228).

Проведено качественное исследование смысловой сферы религиозных людей на примере православных верующих. Показано, что порождение религиозного смысла было связано с появлением в жизненном мире респондентов Бога как личности, которое стало возможно благодаря совершенным ими актам веры в виде их обращения к Богу и полученному ответу. Изменение смысловой картины верующих происходило на основе переживания ими диалогического взаимодействия с Богом на смысловом уровне (восприятие «воли Божией»). Это общение основано на убеждении, что каждое событие в жизни имеет смысл для человека, несет урок, является отражением божественного плана о нем, что в религиозном сознании связано с понятием надежды. Ключевым духовным смыслом для православных верующих, участвовавших в исследовании, является любовь, реализация которой становится возможна при «преодолении себя» путем отказа от эгоцентрических и группоцентрических смыслов.

Ключевые слова: смысловая сфера; религиозные люди; появление религиозного смысла; вера; надежда; любовь; свобода; личность.

Актуальность изучения смысловой сферы религиозных людей обусловливается, на наш взгляд, двумя факторами. Во-первых, смысловая сфера рассматривается как высший уровень человеческого бытия [1, 2] и поэтому является объектом пристального научного интереса [3–5]. Причем парадигмальные изменения в психологии приводят к тому, что ее предметом становятся не отдельно взятые психика, сознание, деятельность или личность, а целостный человек и его жизненный мир [6], ключевую роль в котором и играет смысловая сфера. Рассматривая последнюю в структурном отношении, Б.С. Братусь выделяет несколько уровней смыслов, высший из которых, духовный, отражает «субъективные отношения человека с беспредельным», обретение «смысла жизни, неуничтожимого фактом смерти» [7. С. 252]. Основным общественно-культурным институтом, в рамках которого реализуется обретение духовных смыслов, является религия. Присоединяясь к ней, многие люди обретают духовный смысл, становящийся ведущим смысловым образованием. Этот процесс сопровождается перестройкой смысловой картины мира [8], что также представляет интерес для изучения. Во-вторых, сама по себе психология религиозного человека становится актуальным предметом изучения в свете антропологиче-

ского поворота в психологии, в рамках которого начинают рассматриваться до сих пор «запретные» для науки темы счастья, свободы, любви, веры [9].

В настоящей работе мы попытаемся ответить на два вопроса: «Как появляется религиозный смысл в жизненном мире человека?» и «Какие процессы происходят в смысловой сфере уже религиозного человека?». Первый из них мы связываем с приходом человека к вере. Причем нам было интересно рассмотреть, каким образом религиозное переживание рождает религиозный смысл, который становится значимым для человека и начинает влиять на него. Второй связан с тем, что в жизненном мире *религиозного* человека, может быть больше, чем какого-либо другого, борются добро и зло, добродетель и грех, созидательное и разрушительное, что актуально в свете гуманитарной, нравственной психологии [7].

Для ответа на эти исследовательские вопросы мы провели глубинное полуструктурированное интервью с 7 людьми, принадлежащими к православию и имеющими евхаристическую практику в среднем 6–7 лет. Для того чтобы актуализировать интересующие нас темы, испытуемым предлагалось рассказать о переживаниях, связанных с приходом к вере, а также о трудных и / или радостных переживаниях на нынешнем этапе их жизни. Последние не ограничивались только духовной тематикой – это было сделано для того, чтобы выяснить наличие нерелигиозных смыслов (общечеловеческих, мирских, по А.М. Двойнину [10]) в жизненном мире респондентов и их взаимодействие с религиозными. В использовании методов анализа мы совместили феноменологический и герменевтический, или, по-другому, описательный и интерпретативный, подходы [11–13]: на начальном этапе мы, выделив смысловые единицы, применяли техники конденсации смысла и выделения тем, которые затем интерпретировались в свете вопросов исследования и теоретического контекста. Вопрос о достоверности решался нами на основании критерия, выделенного С.Е. Олишевским: выводы заслуживают доверия, потому что аргумент в их поддержку достаточно убедителен, или, как переформулирует его А.В. Уткин: «Наша задача не выяснить, как оно было «на самом деле», а так описать, чтобы из факта «чужой» жизни описываемый нами случай, феномен или выявленный смысл был бы воспринят как целостный, психологически понятный и правдоподобный гештальт» [14. С. 297].

Для представления результатов нами был выбран анализ бесед с двумя респондентами, которые по социальному статусу и душевному складу представляют определенные противоположности: Сергей (имя изменено), 45 лет, разведен, получил высшее образование в области искусства, живет в городской квартире, и Анна (имя изменено), 38 лет, замужем, имеет 5 детей, закончила 8 классов, проживает в частном доме в пригороде, ведет собственное хозяйство. Не преследуя цель составлять их психологический портрет, отметим невербальные аспекты поведения: Сергей чаще делал паузы, вздыхал, было видно, что обращение к интересующим нас переживаниям не было легким; Анна же была более эмоциональна,

часто смеялась, тяжелые темы, также поднимаемые ею, в большинстве своем обращались в шутку.

Первое значимое религиозное переживание Сергей отнес к 37 годам, а Анна – к 12. Но перед тем как перейти к его описанию и интерпретации, рассмотрим дорелигиозный этап жизни этих людей, который еще больше оттеняет их психологический контраст.

Дорелигиозный этап

Стоит оговориться, что прямого вопроса об этом этапе не было, он появляется в свете описания религиозных переживаний. Вот как описывает себя Сергей: *«Я не скажу, что меня тема веры никогда не интересовала, – она интересовала меня всегда. Я принадлежу к такому поколению, которое интересовалось внутренним миром человека. Просто в различные периоды жизни эти веры были разные – это была и психология, и эзотерика, и различные религиозные направления»*¹. *«Нельзя сказать, что я не знал христианства, но среди моего поколения это было одной из последних религий, которой стоило заниматься. Потому что все мы, особенно по молодости, были подвержены влиянию каких-то модных религий, более интересных, более красочных, более «продвинутых», более, может быть, каких-то эффектных внешне». «Мы пробовали это все на себе, иногда достаточно упорно пробовали... ради интереса, ради любознательности, к чему это приведет».*

Налицо интерес к религии и внутреннему миру, но интерес поверхностный (влияние модных, красочных религий), групповой (интерес как характеристика поколения), имеющий целью получение новых впечатлений («к чему это приведет»). Основной же смысл жизни Сергея был связан с внешним успехом, стремление к которому рассматривается им как причина последовавшего кризиса: *«Я вел очень активный образ жизни, и потом у меня возникло то, что медики называют «синдромом усталости», то есть организм просто устал от моих недосыпаний, моего беспорядочного образа жизни – я старался активно вписываться в социум, зарабатывать много денег, хотел работать больше всех, лучше всех. Мое состояние – это был результат «одержимости», то есть я был сильно «одержим» миром. Я хотел в этом мире настолько преуспеть, что я был готов на алтарь этой одержимости положить все, что угодно».*

Анна описывает себя так: *«Я всегда себя чувствую духовным человеком. Знаешь, почему? Потому что жизнь видимая для меня почему-то с самого детства – как мыльный пузырь. Не знаю, откуда у меня это ощущение – я не боюсь его потерять, не знаю почему – это, может быть, дар, это, может, результат каких-то переживаний опять же. Но я всегда чувствую, что это меня не держит. Здорово, да?»*

Исследователь: *Это что?*

¹ В приводимых текстах респондентов авторский стиль сохранен.

Анна: *Это – это все то, что для людей, рядом с тобой важно: они относятся к простым вещам, которые можно потрогать, пристрастно. И почему у меня на ровном месте может возникнуть диалог или спор: я начинаю говорить об отношениях, а мне говорят о вещах. Я – об отношениях, они мне – о вещах! (смеется) – и до тех пор, пока отношения не станут актуальны и «большими» для человека».*

«Когда я была маленькая. Мама осталась одна. Отец у нас повесился – мне было три годика. И когда тебе любви не хватает в детстве, как мотылек на свет тянешься, тебе хочется где-то согреться. Я помню, что про меня многие говорили в детстве: «Ой, вот она – как котенок, лезет ко всем». Это был такой поиск любви в своем понимании – добрых людей». Более эмоциональное отношение к жизни, искренний поиск любви, малая значимость материальных вещей по сравнению с отношениями между людьми – характеристики жизненного мира Анны до прихода к вере.

Первый религиозный опыт

Для понимания культурного контекста стоит отметить, что в православии не принято говорить о своих религиозных переживаниях. В этом его отличие, с одной стороны, от новых течений, особенно российского, протестантизма с его культурой «свидетельства», подразумевающей, что рассказ о собственном опыте прихода к Богу является лучшей формой проповеди, а с другой – от современной масс-культуры, стремящейся вскрыть и выставить напоказ самое интимное и личное, что есть у человека. Причина этой скромности и сокровенности православного сознания кроется в стремлении верующего защититься от искаженного радужного представления о себе и своей духовной жизни, выражающегося тонким аскетическим понятием «прелесть». Поэтому автор, знакомый с этими людьми порядка 5–7 лет, впервые слышал эти истории, рассказанные ими не без усилия над собой и с большим доверием к слушателю.

Итак, Сергея мы оставили на его тяге к миру. *«Со мной, можно сказать, случилось небольшое чудо. Я заболел какой-то болезнью, которую не могли определить даже врачи. Но в течение полугода она привела меня к полной нетрудоспособности, и в течение полугода я был нетрудоспособен. Я находился в горизонтальном состоянии и подверг критике все то, что я до этого читал, интересовался, изучал. Я задал себе простой вопрос: «А что я из этого могу применить в жизни?» И тогда выяснилось, что ничего из этого я в жизни применить не могу: ни те практики, которыми я раньше в жизни занимался, изучая какие-то там религии. То есть когда дело... дойдет «до дела», они в реальной жизни помочь человеку – ну, по крайней мере мне, не смогли». Появляется болезнь, которая приводит Сергея к нетрудоспособности, в горизонтальное положение, к состоянию «живого трупа», к ситуации, которую он воспринимает на уровне жизни и смерти. Ощущение потери жизни («когда в человеке нет жизни») вызывает обращение к религии («вроде вера – это связь с источником жизни»). От-*

чаяние вызвано тем, что ничего не может помочь – врачи, которые не могут объяснить его состояние, и религиозные практики, к которым он обращался в прошлом из любопытства, в ситуации реальной опасности оказываются бессильными.

Отказавшись от своего прошлого «религиозного опыта» (кавычки респондента), Сергей начинает разговаривать с Богом внутри себя: *«Я просто, когда лежал у друга на даче, рядом со мной были окна, я просто смотрел в небо и начинал разговаривать. Я разговаривал с невидимым Богом, рассказывал ему свою ситуацию, пытался понять, и это диалоги, они не совсем похожи на молитвы, но в принципе это было общение. И через это общение, когда я, серьезно к этому относясь, я понимал первые какие-то ощущения веры. Я верил в то, что я говорю».*

При этом происходят внутренние изменения, связанные с более глубоким познанием себя: *«Узнал сначала, где у себя сердце, а потом сердцем почувствовал христианство».* Сергей противопоставляет спокойное умышленное размышление (*«А вот давай-ка я поговорю с чем-то, неважно с чем. Поговорю, а потом через пятнадцать минут чаю пойду попить и прочее...»*) и обращение с верою. Когда он говорил то, что касается его жизни, возникало переживание и «оно открывало сердце»: *«Я был весь в этом общении, то есть моя вера в это была абсолютной. Я верил в то, с Кем я разговариваю, то, как я разговариваю – я был честен».* *«Я понимал, что... польза от них [бесед] зависит от моей искренности, от моей веры, поэтому, стараясь разговаривать и подбирая какие-то корявые слова, я отбирал каждое слово, взвешивая их на предмет искренности. Насколько я в это все верю».* *«Как ты только начинаешь верить, то эти слова становятся не просто фразами, а здесь начинает подключаться сердце. И вот это начинается уже молитва».*

Восприятие общения с «невидимым Богом» именно как диалога, а не монолога возникало в момент обращения из-за веры в то, что он говорил. *«Я бы не сказал, что у меня было ощущение, что кто-то со мной разговаривает... Ты знаешь, вот эта вера и уверенность в то, что ты разговариваешь, она сама дает ощущение, что это все не сумасшествие, что ты не со стеной разговариваешь. Сама вера, сама искренность, вера в то, что ты говоришь, она сама является для человека показателем того, что разговор происходит... что это диалог, а не монолог».*

Ситуация с излечением воспринимается в духовном ключе: *«Меня как бы от мира отодрали посредством этой болезни, немножко показали, как можно жить по-другому».*

Если раньше для Сергея религиозные практики были связаны с любопытством, модой и пр., то в данный момент жизни они решали жизненно важную задачу – исцеление от беспомощности, которая вызывала отчаяние, а с другой стороны, обусловила его искренность и веру в то, что он говорил. Вера в свои слова, произнесенные из глубины души, давала веру в диалог, в то, что его слышат, а значит, есть Бог. Исцеление приходит через предстояние с честным сердцем перед Богом как Личностью. Метафориче-

ски это может быть описано так: «Мое бытие подтверждается Другим: я есть потому, что есть Другой и Он меня слышит». Исцеление придавало смысл этому диалогу. Смысл переходил с болезни и излечения от нее на само предстояние Богу, честность и искренность.

Анна: *«В 12 лет – это явное присутствие Божие. Отчим уже показывал себя с плохой стороны, избивал. Я уже в режиме ожидания, что что-то может случиться. Тем не менее мне приходится выполнять одну из главных ролей в семье, потому что мама мне доверила маленьких детей. И как только рождались мои братишки от отчима, сразу же они переходили в мои руки... И, может быть, дети давали мне стабильность: если я за них отвечаю, значит, между какими-то избиениями есть момент, когда я им нужна, – отчиму с мамой. И значит, для меня это тоже более-менее стабильность. В этом я видела свою позицию. И однажды, осенью, Мишка начал болеть... Тут отчим взял Мишку – впервые, наверно, начал носить на руках. И Мишка вдруг умирает на руках у отчима. Я кричу: «Зачем вы его взяли? Не надо было его брать вообще!» И он вдруг умирает, перестает дышать и откинулся. Все. Такое ощущение: все, лопнуло что-то главное, любовь куда-то пропала. «Теперь как будет отчим? Меня теперь вообще съедят», – это у меня была первая мысль. Единственное, что могло нас делать добрыми – это Мишка с его личиком. И вдруг его нет, такая пустота, и мама говорит: «Беги за тетей Настей». Я, значит, выбегаю на улицу. Такое время бывает – две ночи или одна ночь в году, когда все темно до такой степени, что даже не видно своих рук – такая темнота. Я бегу по деревне... тете Насте сказать, что Мишки нет, что делать. Прибегаю, зову тетю Настю, прибегаю обратно домой. И когда я к дому подбежала – как ясный день, все светлело стало, как будто луна весь вечер ярко светила, я не могу сказать, что там на небе в эти 15–20 минут происходило. Но когда я прибежала к дому, я вдруг вспомнила, что в Пасху собираем яички и кричим: «Христос воскрес!» Думаю: «Христос воскрес – это значит, кто-то живой стал». До этого я не понимала выражение этих слов, просто ходила и ликовала: «Христос воскрес! – давайте нам яички, конфетки!» (смеется) А тут я такая встаю на колени – светло, все вижу – и говорю на небо: «Если Христос воскрес, пусть Мишка живой станет!» Я, знаешь, простыми словами такими детскими: «Как мы будем жить? Дядя Паша будет пить, мама будет все время злиться. Как мы будем жить?» – я кричу на небо. И такая потом встала и споко-ойная, споко-ойная, как будто это должно было случиться, что я должна была попросить. И успокоилась, уже никуда не бегу. Нет повышенного давления. Спокойно иду домой, захожу и вообще удивительно: Мишка ожил. Пятна трупные остаются еще на теле и медленно уходят. И лежит Мишка на диване. Все в недоумении. Тишина. Никто не ругается, никто ничего не говорит. Все просто в страхе. Представляешь? Я тогда в тот момент перестала бояться людей. Я думаю: все, бояться ничего нельзя на земле. И еще такое было, думаю: как может Мишка воскреснуть и Бога не быть – это не правильно, это не реально. Бог есть. Если Мишка живой, значит Бог есть. Это была первая встреча такая».*

Решать вопрос об истинности чуда, описанного Анной, у нас нет ни возможности, ни необходимости. Постнеклассический подход к изучению жизненного мира человека [15] снимает оппозиции «субъективное – объективное»: если оно произошло в жизненном мире респондента, то и для исследования может иметь значение в контексте его вопросов. Для нас важны психологические изменения, «запущенные» этим эпизодом. Главный из них – появление Бога как Личности в жизненном мире респондентки, потому что *«если Мишка живой, значит, Бог есть»*. Бог, который действует и *«может с моей просьбой – такой сердечной просьбой – может все урегулировать. Ты чувствуешь защиту. Она реальна, она здесь»*. Появление Бога в мире производит два других изменения. Первое – снижение важности других людей, потеря страха перед ними: *«Я бежала, и моя жизнь, как на пленке, прокручивалась. До этого момента я понимала, что, как мама скажет, так и должно быть. Если отчим сказал, что я плохая, значит, это так и есть для всех. Если меня кто-то избил, значит, только он в силах мою жизнь изменить, потому что он меня избил, понимаешь? Если меня кто-то не понимает, значит, он «решает» мою судьбу. Мне казалось, что люди вокруг меня – почему я переживала – мне казалось, что другой человек – величина, и каждый может завязать тебя в узел, все с тобой сделать, что хочет. А с этого момента я поняла, что не все на земле подвластно человеку. Ведь никто не мог помочь Мишке... А кто его живым сделал, если он мертвым на моих глазах был? Я тогда поняла, что человек – это маленькая величина, она не такая существенная, как была раньше»*.

И.: Другой человек по отношению к вам или как? Или вы – тоже маленькая величина?

А.: Знаешь, я себя никогда не видела раньше... Вот у меня было всегда ощущение, что я пустое место».

И второе изменение – усиление собственной личности: *«Это же было такой подачей мне уверенности в своей жизни, потому что если до этого высказывать свое мнение мне нельзя было, а тут у меня появилось как бы такое ощущение, что есть какие-то значимые мои мысли. Они делают меня как бы не тем, кем меня называют и на какой уровень пытаются низвести, а что я что-то значу и что я для чего-то все-таки живу. Вот у меня такое ощущение было: если это случилось, значит, не просто так же я на земле живу, значит, для чего-то живу. Если раньше пытались: «Живи вот так! Как тебе сказали, так и делай». Значит, я как будто живу... и не живу... Личности нет, стержня нет, который у тебя должен быть»*.

В жизненном мире появляется другой, который общается на личностном уровне и дает возможность Анне самой стать личностью. Религиозный смысл приходит через поддерживающую Личность.

Подведем промежуточные итоги. Перед приходом к вере человек оказывается в ситуации беспомощности. Метафорически это можно назвать «смертью» или предстоянием смерти: Сергей физически теряет жизнь, становясь «живым трупом», у Анны под угрозой разрушения ее

душевная жизнь, связанная с отношениями в семье («все, лопнуло что-то главное, любовь куда-то пропала»). Эта ситуация невозможности продолжения деятельности и переживания приводит человека к определенному пределу, когда он должен решиться на молитву [16]. Молитва идет от сердца, и вера в свои слова, в свою честность предстояния рождает ощущение услышанности Другим. Появляется Личность. Исполнение просьбы в молитве не является первым условием веры, но укрепляет уверенность в бытии Другого. Религиозный смысл приходит через опыт общения с Личностью, этот опыт сам становится смыслом. Смысловая заряженность смещается с внешних факторов (разрешение кризиса) на общение с Личностью. При этом само общение способствует самопознанию и личностному росту человека.

Смысловая картина мира

Имеющиеся научные данные говорят о том, что в смысловой сфере верующего человека присутствуют религиозная и общечеловеческая системы смыслов [10]. Однако эта статическая картина, одномоментный срез, не позволяет увидеть процесс «духовной навигации» [17], порождающий смысл конкретной ситуации для человека. Ведь если Бог выступает в жизненном мире верующего как Личность, это предполагает возможность диалога с Ним на смысловом уровне, так как у каждой личности есть свои смыслы.

Такую возможность отрицает классик экзистенциально-гуманистической психологии В. Франкл: «Не подобны ли отношения животного к человеку и человека к Богу? Мир животного соотносится с миром человека так, как мир человека соотносится с миром Божественным. Как животное из своего мира не способно понять человека и его мир, так и человек не может заглянуть в высший мир, понять Бога и все его мотивы... не следует ли нам согласиться с тем, что над человеческим миром... возвышается недоступный ему мир, разум которого, Высший Разум, только и был бы в состоянии объяснить человеку смысл его страданий?» [18. С. 270–271]. По Франклу, человек сам, один на один с жизненными ситуациями, должен искать их смысл. Франкл отказывается видеть в Боге промыслителя, который, не переставая, думает о человеке и ведет его по жизни с определенной целью. Диалоги с нашими респондентами рисуют противоположную картину.

Сергей говорит об особом языке, не похожем на человеческое общение, которому надо учиться: *«Сейчас уже, будучи человеком воцерковленным и, как и все христиане, интересующимся таким понятием, как «воля Божия», я уже предполагаю, как Бог с тобой разговаривает... Сейчас я уже могу предположить, когда со мной разговаривают, а когда со мной не разговаривают, а когда со мной молчат, а когда я недостойн, чтоб со мной разговаривали. Этому языку надо учиться».*

Условие слышания воли Божией – вера в нее, т.е. это телеологический взгляд на действительность, вера в то, что события имеют смысл, который надо узнать. *«Вот расширяется у человека вера, и вот в какой-то*

момент ему эта вера дает абсолютную уверенность, что воля Божия существует... Вот тут, как я тебе говорил, что диалог во время молитвы начинается с веры в молитву. Так же и воля Божия начинается, вот это парадокс, начинается с твоей веры в эту волю. И кто-то может сказать, что это самообман. Это момент испытания: если ты его проходишь, то тебе начинаются явные знаки, просто «кирпичи».

Вот как Сергей передает свое ощущение действия Бога в его жизни: «Это когда ты начинаешь доверять воле Божией, она начинает тебе благодетельствовать. Когда возникают моменты: нужные люди приходят, сложные препятствия рассасываются, – и это происходит само по себе. Такое ощущение, как в клипе: ты протягиваешь руку, и тебе кладут то, что надо... Ты все успеваешь, люди тебе становятся не препятствием, а подмогой... Мир начинает к тебе разворачиваться в твою сторону с положительной точки зрения... Ты удивляешься, воспринимаешь, как чудо. Подходишь к остановке, через несколько минут подходит тот автобус, который тебе нужен. И ты не понимаешь, как это может быть связано. А потом с опытом начинаешь понимать, что когда ты, допустим, перестал обращать внимание на волю Божию, перестал уповать на нее, перестал собственно взаимодействовать с ней, общаться, в какой-то момент что-то забегался, засуетился, а автобус не приходит, а люди не разворачиваются. И когда момент практикования имеет место, ты начинаешь понимать, что что-то в этом есть. А давай-ка, я все-таки вернусь в «лоно Авраамово». Ты начинаешь возвращаться и начинаешь понимать, что эта причинно-следственная связь работает. Это не значит, что, например, выпил слишком много и показалось, что автобус вдруг вовремя подошел. Начиная отрабатывать эту причинно-следственную связь, ты начинаешь понимать, что это работает. Но это самый простой пример».

Сергей переживает совпадение своих желаний и внешних обстоятельств как пример благодетельствования Бога, его благоволение. Диалогический момент выражается в том, что он сам должен идти навстречу воле Божией: «Если мир разворачивается в твоём направлении, автобус вовремя приходит, люди тебе улыбаются в тот момент, когда ты заходишь, тогда действительно возникает ситуация, когда воля Божия предлагает тебе, а ну-ка давай, как автобус, вовремя приди и, как человек, вовремя улыбнись. Он тебя ставит в ситуацию благостного мира. Это проявляется через послушание. Когда вдруг прибегает, такое ощущение, сумасшедший коллега и просит тебя сделать что-то, например, и ты понимаешь, что это глупость, абсурд, не нужно, не обязательно и пр. Но если ты начинаешь воспринимать это послушание, и ты – как тот мир, который улыбается, как тот автобус, который вовремя приходит. Это очень тяжело быть вовремя проходящим автобусом и улыбающимся человеком».

То есть ситуация Сергея может восприниматься как призыв к послушанию Богу, Его воле. Здесь возникает вопрос о том, как понимается эта воля. Всякое ли требование внешнего мира есть проявление воли Божией или Бог разговаривает на «особом языке»?

«И.: ...вот к тебе прибегает коллега и говорит, что нужно приготовить годовой отчет, помоги его сделать. Как у тебя возникает переживание, что это воля Божия? Ты это себе говоришь умом или как?

С.: Я не знаю, что это воля Божия или нет. Кто вообще сказал, что это воля Божия? Это еще совершенно не факт. Я же тебе говорю, очень важно понять, с чем к тебе коллега прибегает. Я же говорю, нужно смотреть не на то, что кто прибежал, а что принес. На это надо смотреть, в этом рецепт. Прибежать может кто угодно, хоть президент, хоть коллега. Это совершенно не показатель. А иногда может прибежать настолько не коллега, а смотришь: блин, ничего себе, вообще, удивительно-то как.

Понятно, мы можем учиться в любой ситуации: с добром человек пришел или со злом. Допустим, есть человек, который каждый раз, когда я с ним встречаюсь, испытывает глубины моего смирения. То есть это шутки, подколки, причем как-то походя, без особой цели. Но это тако-ое переживание, что ты прощупываешь свою глубину: не обмелело ли? И, конечно, бывает, когда ты в хорошем состоянии – молился, постился и прочее – ты можешь не заметить, перевести в шутку. А бывает... Да, то есть человек приходит с чем-то и надо это разделять: «Здравствуй, Петя, и здравствуй, гордыня!» А если он пришел с хорошим: «Здравствуй, Петя, дай я тебя поцелую, и твое смирение». Сергей говорит о процессе анализа внешнего и внутреннего мира с духовной точки зрения. Поиск смысла идет на духовном уровне: чтобы понять смысл данной ситуации, что хочет от тебя Бог (или с чем пришел человек), нужно внимательно следить за своим духовным состоянием и посылом человека. Это дает возможность учиться.

Цель этого обучения «слышанию» воли Божией состоит в особом состоянии, когда граница между смыслами человека и волей Божией стирается: «Но если ты начинаешь воспринимать это послушание, и ты – как тот мир, который улыбается, как тот автобус, который вовремя приходит. Это очень тяжело быть вовремя приходящим автобусом и улыбающимся человеком. Но если ты в этом направлении себя проявляешь, то наступает (я это еще не ощутил, но предвижу) очень интересный момент, когда грань между тобой-автобусом и тобой-идушим на автобус, к которому приходит автобус, стирается. И тут начинается (смеется)... Для меня это идеал, когда... Вот читаешь, когда в Ветхом Завете, иногда там такое ощущение. Это называется «ощущение сакрального мира», это когда ты живешь в сакральном мире». Иногда современный кинематограф или современные биографы делают из жизни известного поэта, музыканта такую жизнь, когда все настолько судьбоносно и важно. Он там какое-нибудь слово кому-нибудь сказал, а через три дня началась революция. настолько между всем миром и словом человека нет никакого зазора, вот это ощущение гиперважности всего происходящего, это и есть ощущение сакрального мира. Когда ты живешь в сакральном мире, когда ты вдруг понимаешь, что твоя жизнь и жизнь вокруг настолько значима, но при этом ты можешь участвовать в ней сознательно, это просто по-

трясающе интересно. Такое ощущение, что ты в кино, сам себе режиссер, сценарист, и пр. Но не в плане того, что ты такой эгоистичный, сам все построишь. Это как раз обратная сторона воли Божией в понимании человека как эгоиста, когда он сам вершит свою судьбу. А когда он полностью свою волю отдает, он на самом деле обретает еще больше. Это вот ощущение сакрального мира, осмысленности, значимости всего, что человек делает, словом, действием и пр. В этом пути возникает эта полнота жизни, я не знаю, как это описать. Воля Божия она стоит именно вот этого, без воли Божией вряд ли человек достигнет этой полноты жизни».

Таким образом, стремление к диалогу с Богом на смысловом уровне может привести к состоянию «сакрального», по выражению Сергея, мира, когда грань между внешним и внутренним исчезает, но при этом личность не разрушается, а, наоборот, существует в гиперважном, осмысленном, значимом бытии.

Анна говорит уже по факту, осмысляя пройденный отрезок жизни: *«Вот все, что я хотела, в жизни Господь мне дал. Но! Все мои желания были вопреки моему удобоположению. Вот те желания, которые мне хотелось, – они связаны с какими-то вещами для семьи, для мужа, для знакомого человека, который болел сильно... То есть такие вещи простые: тех людей, которых мне Господь послал, это было мое желание, мое огромное желание, что люди, которые мне покажут путь, как надо любить... Может, это не от каждого человека услышишь: все что я хотел, Господь мне дал – довольным быть всем»*. И этот принцип становится руководством к действию: *«Эти желания как задача номер один. Потому что бывает: а, ну желаешь ты добра человеку и желаешь. А когда ты желаешь, у тебя внутри все это есть – это настолько переживается тобою – и оно как раз то, что бы Бог хотел видеть, то есть ты чувствуешь, что оно не вопреки Богу. Потому что оно никак с эгоизмом не связано, с личностным»*. Анна также говорит о том, что, делая смыслы других людей своими, пронизывая этими смыслами свой внутренний мир, она приходила к такому состоянию, когда грань между внешним и внутренним стиралась (*«все, что я хотела, в жизни Господь мне дал»*). Этот процесс диалога, подразумевающий серьезную внутреннюю работу, был основан на надежде на промысел Божий, придающий всему смысл (в частности, смысл встреч с *«людьми, которых мне Господь послал... которые мне покажут путь, как надо любить»*).

Смысловой конфликт

Так получилось, что в ходе нашего исследования один феномен возникал с завидным упорством у большинства респондентов. Часто это было связано с эмоциональной и смысловой кульминацией беседы, что позволяет нам высказать предположение о его особой значимости в смысловой сфере православного человека. Этот феномен – *любовь*. Именно в свете его переживания и проживания можно рассмотреть, как возникает и преодоле-

вается смысловой конфликт в жизненном мире православного верующего. Приведем достаточно длинный фрагмент интервью с Анной. В женский хор, в котором она поет, пришел помогать мужчина из другого хора, который начал разговаривать во время службы с их регентом (начальником хора): *«И вот они вдвоем как «зацепились», и всю службу вечернюю разговаривали. Это вот настолько было унижительно, потому что они над служащим как бы смеялись и унижали это все, и служба такая. И там все «перемыли» у кого чего в хозяйстве, у кого чего в отношениях, всех-всех людей пересудили, я просто стояла и думала: «Если скажу – обижу кого-то. Господи, помоги мне промолчать до конца службы, помоги промолчать!» Потому что сказать легче, но труднее всего сдержаться. Знаешь, когда я промолчала в конце службы, я такая: «Победа!». И все ждали, когда я скажу, представляешь? Потому что девочки знали мое отношение к службе, мое отношение к храму. И они думали, что я взорвусь потому, что я была вся красная и готова была в любой момент... Такая я вышла, думаю: «Господи, слава Тебе! Как приятно себя побеждать». И что ты думаешь? На следующий день приготовилась ко Причастию, все как положено, прихожу на службу, и опять два человека этих пересеклись и тут же начали разговор, и с таким тоном – на всю службу точно. Я такая: «Алексей! Не надо на службе болтать!». Он такой: «А где служба?». Я говорю: «Ну, мы же в храме стоим». И все, и тут он такой покраснел сам как рак, собрал всю свою энергию, говорит: «Идите домой! Воспитывайте своих детей!». Регент говорит: «Анна, если вы сейчас не заткнетесь, я вас выкину отсюда». И услышали это Галина Ивановна [уважаемая прихожанка], там все наши прихожане и хор мужской, но зато после этого они всю службу молчали. И теперь Алексей к нам приходит на службу, он стоит тихонько, не разговаривает, поет стройно, так скажем. Но и в тот момент утром мне трудно это сделать. Я думаю: «Если сейчас не скажу, то никто не скажет». Но это было как бы обратная связь: тут я не хотела говорить, а там я хотела говорить. Там я сдерживалась, а тут я сказала потому, что думаю: «Буду молчать». Мне было без разницы. Два таких обратных...*

Исследователь: Действительно, почему в одном случае победа – это не сказать (вечером), а с утра победа – это наоборот сказать?

Анна: Утром, знаешь, у меня ничего не кипело, я не хотела говорить. Я была спокойна настолько, что у меня не было желания кого-то дергать, но эта тишина она меня напрягала, знаешь, почему? Потому что это было равнодушие. Это вот оно такое было, знаешь, чтобы сейчас перед тобой ни делали, даже обижали бы людей, били бы – я в тот момент была бы спокойна. У меня было внутри просто безразличие, и его нужно было как-то остановить, потому что оно, на самом деле, было настоящим безразличием – холодное сердце, холодная голова, холодное сердце – безразличие. Как будто бы ты не христианка, не православная, и причащаться бы, наверно, в тот момент было дерзновеннее, чем промолчать...

И.: Хорошо, а вот вечером почему – победа была не сказать, потому что...

А.: Потому что внутри – бунтовало. Знаешь вот, когда у тебя внутри кипит, значит, у тебя любовь к людям отсутствует. Ты их оцениваешь со своей колокольни, ты ждешь от них выполнения своих каких-то требований. Потому что я так поступаю, вы ведите себя так же. Значит, я личный стержень их не учитываю, т.е. для меня они в тот момент не существуют как личности. Понимаешь? Это страшно, потому что ты как будто бы с правилами – вся такая хорошая – а они вот все у тебя плохие, потому что видишь их сквозь свою призму. <...>

И.: Ну это понятно. А вот с утра наоборот было такое ровное спокойное состояние...

А.: Это безразличие было.

И.: А почему нельзя было это воспринимать как именно любовь и уважение к человеческой личности?

А.: Нет.

И.: Почему?

А.: Вот смотри: когда у тебя любовь, строгость и любовь – это параллельно, да. Любовь она всегда строга. Злость и строгость – это разные абсолютно состояния. Как сказать, терпение и спокойствие – это тоже совершенно разные состояния. Когда ты терпелив, ты не безразличен, ты участлив, когда ты безразличен, то это не значит, что ты смирен. Я не знаю, как это чувствуется, наверное, голос совести, который в каждом человеке есть, это дает понимать.

И.: Вы к ним проявили любовь, когда сказали чтобы они перестали говорить?

А.: В тот момент, если бы я дальше начала с ним разговаривать, может быть, у меня состояние было внутри закипевшее. Переросло бы это в какую-то ненависть, не знаю, негатив, но так как было просто сказано слово, и в этом слове было понятно, что какие бы ты желал ему сейчас – не у тебя требования, а чтобы ты желал, чтобы и все. Если бы дальше разговор развился в перепалку или в оскорбления, это было бы уже неправильно. Трудно было сказать одно слово, остановиться или вообще сказать правильное слово.

И.: Ну, да, понятно, это варианты развития события. А я имею в виду именно по ощущениям, т.е., говоря это, было ли у вас состояние любви к ним?

А.: Знаешь, вот предыдущий день, вечером, у меня была такая личностная неприязнь. Вот знаешь, когда именно с этим человеком, ты бы не стал общаться, понимаешь? А утром у меня было к ним обоим такое, знаешь, вот отношение, как к человеку с их положительными качествами, уважение было».

Рассмотрим смысловой конфликт в данном фрагменте беседы. Контрастность внутреннего состояния Анны при сходстве внешних обстоятельств позволяет проанализировать многогранность смысла любви. Первое состояние характеризуется злостью, ненавистью, нежеланием продолжать общение с этими людьми, желанием подчинить людей себе и своим

требованиям, которое становится довлеющим эгоцентрическим смыслом в этой ситуации. А смысл, заключающийся в любви к людям, терпении, реализуется через сдерживание себя. Второе состояние характеризуется равнодушием, безразличием, спокойствием ко злу. И теперь любовь как смысл реализуется через строгость к себе и людям, высказыванием своих пожеланий, но с уважением их как личностей. И там и там – преодоление себя, победа над собой в плане отвержения эгоцентрического смысла ради духовного – любви.

Сходный опыт реализации любви как духовного смысла описывает Сергей, рассказывая об одном эпизоде отношений со своим родственником. На начальном этапе – конфликт между ощущением пустоты в отношениях (*«ты понимаешь, что этот человек тебе ничего не дает, а просто пользуется»*) и группоцентрическим смыслом продолжения отношений ради родства. Новый опыт приходит, когда преодолеваются оба фактора ради более высокого смысла: *«Я просто понял, что у меня как к родному человеку есть свои претензии. И я понял то, что мне человек ничего не дает, – это на самом деле твое, а не его. И когда я понял, что это твои претензии, а не он, я понял, что это наносное, это ерунда, надо освободиться от этого. Я постарался в нем увидеть не родного, а гиперродного. Каждый проходящий к тебе человек – это вестник, вестник чего-то. Надо просто понять его весть. И как я только понял, что дело не в моих претензиях, а надо постараться услышать, что он тебе принес. Я поучился бросать претензии от себя. Я благодарен этому человеку, что он дал возможность потренировать это. Учился распознавать и отбрасывать. Это и есть самое ценное. И когда представишь, что этим каждую секунду можно заниматься. Это даже не космонавт, который летит на Марс... это как ребенок, который рождается и для него весь мир новый. Это ощущение детское, оно возвращается»*.

Выводы

Проведенное исследование показало, что религиозный смысл для наших респондентов возник с появлением в их жизненном мире Бога как личности. Это стало возможным благодаря совершенному человеком акту веры, выраженному в искреннем и всецелом обращении к Богу. Второе условие веры – переживаемый человеком ответ в виде исполнения просьбы. Этот опыт просьбы и исполнения приводит к формированию религиозного смысла – предстояния и обращения к Богу. Изменение смысловой картины верующего разворачивается на основе переживания им диалогического взаимодействия с Богом, общения на смысловом уровне. Данное общение основано на надежде, что все происходящие жизненные события – результат проявления «Промысла Бога», «воли Божьей». Цель этого общения – распознать в собственном жизненном мире собственные смыслы и смыслы Другого или других людей и сделать смыслы другого своими собственными. Идеальной моделью является жизненный мир, в котором

нет грани между внешним и внутренним смысловым содержанием («сакральный мир») с сохранением собственной личности и свободы. Ключевым духовным смыслом для наших респондентов стала любовь, реализация которой возможна при «преодолении себя» путем отказа от эгоцентрических и группоцентрических смыслов.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
2. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / отв. ред. Е.В. Шорохова. М. : Педагогика, 1973. 424 с.
3. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва ; Воронеж, 1996. 768 с.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. М. : Мысль, 1988. 301 с.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд. М. : Смысл, 2007. 511 с.
6. Клочко В.Е. Проблема сознания в психологии: сверхсложный феномен в интерьере закономерно усложняющихся парадигмальных установок // Психология сознания: современное состояние и перспективы : материалы II Всерос. науч. конф., 29 сентября – 1 октября 2011 г., Самара. Самара, 2011. С. 80–84.
7. Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М., 1999. С. 248–259.
8. Ананьева Г.Е., Бойко О.Е., Рихванова М.Л., Муравьева О.И. Особенности структуры ценностных ориентаций у людей, занимающихся духовными практиками // Коммуникативное измерение в психологической антропологии / под науч. ред. В.И. Кабрина. Томск, 2007. С. 92–109.
9. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М. : ИП РАН, 2013. 268 с.
10. Двойнин А.М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности. СПб. : Речь, 2011. 224 с.
11. Бусыгина Н.П. Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 57–65.
12. Giorgi A. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure // Journal of Phenomenological Psychology. 1997. Vol. 28, № 2. P. 235–260.
13. Schafer G. Romantic love in heterosexual relationship: women's experiences // Journal of Social Sciences. 2008. Vol. 16, № 3. P. 187–197.
14. Уткин А.В. Идентичность и смыслы образования // Поиск идентичности – экзистенциальный опыт в образовании / под ред. О.В. Лукьянова. Томск, 2001. 440 с.
15. Немцев А.В. Смысловая сфера сознания религиозных людей: методологические основания исследования // Сибирский психологический журнал. 2013. № 48. С. 31–38.
16. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). М. : Смысл, 2005. 191 с.
17. Розин В.М. Еще раз о возможности православной, святоотеческой психологии // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 113–120.
18. Франкл В.Э. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб. : Речь, 2000. 286 с.

Поступила в редакцию 22.01.2014 г.; повторно 07.04.2015 г.; принята 22.06.2015 г.

НЕМЦЕВ Алексей Викторович, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (г. Томск, Россия). E-mail: alexey_nemtsev@mail.ru

THE SPHERE OF MEANINGS OF RELIGIOUS PEOPLE (THE CASE OF ORTHODOX CHRISTIANS)

Siberian journal of psychology, 2015, 57, 69-85. DOI: 10.17223/17267080/57/5

Nemtsev Alexey V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: alexey_nemtsev@mail.ru

Keywords: meanings; religious people; religious meaning appearance; faith; hope; love; freedom; personality.

Psychology of religious people, especially their sphere of meaning, becomes an important topic in the light of modern tendencies of Russian psychological science (namely, the anthropological turn – psychology of a whole person instead of psychology of activity, or consciousness, personality, etc.). We have performed a qualitative study of the sphere of meaning of religious people. Two research questions were posed: (1) How does religious meaning first appear in the life-world of participants? and (2) What processes occur in the sphere of meaning of a person that is already religious? In order to address these questions we conducted an in-depth semi-structured interview with members of the Russian Orthodox Church that participated in its sacramental life for a period of 6–7 years. We asked our participants (N=7) to tell us about their conversion and about the happy or sad experience(s) that they were going through at the moment. We did not limit such experience to religious domain in order to discover non-religious meanings in the life-world of participants and their interaction with the religious ones. We used descriptive and interpretative approaches of analysis including such techniques as marking meaning units, meaning condensation and marking of topics, which were then interpreted in the light of research questions. The validity of results was based on self-consistency and credibility of the arguments of the researcher. The first result of our research is that we have shown the moment of generation of the religious meaning. It coincides with the appearance of God as a personality in the life-world of a participant. This appearance is made possible by virtue of the leap of faith taken by a person and manifested in a sincere and wholehearted call to God. The second condition for the appearance of the religious meaning has been found to be the divine answer experienced by a person in the form of a response to the request. These two facts of the participant's life-world lead to the creation of the religious meaning – “standing before” and turning to God. The second result of our research is that we have shown the development of the believer's semantic picture, which unfolds through a semantic dialogue with God. This dialogue is based on the hope that all life events are a manifestation of the “Divine Providence” and “God's will for man”. The very essence of the dialogue is to recognize one's own meanings of the life-world and meanings of the Other or other people and to attempt to view meanings of others as one's own. A life-world without any boundaries between the internal and external meaning content («sacral world») while keeping one's personality and freedom is the perfect outcome of the semantic dialogue. The crucial spiritual meaning for the participants has been found to be love, realization of which becomes possible in the process of leap-of-trust, which implies denial of egocentric and group meanings.

References

1. Leontyev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
2. Rubinstein, S.L. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika.
3. Asmolov, A.G. (1996) *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov* [Cultural-historical psychology and design of the worlds]. Moscow, Voronezh: Institute of Practical Psychology.

4. Bratus', B.S. (1988) *Anomalii lichnosti* [Anomalies of the individual]. Moscow: Mysl'.
5. Leontyev, D.A. (2007) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [The psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the sense of reality]. 3rd ed. Moscow: Smysl.
6. Klochko, V.E. (2011) [The problem of consciousness in psychology: super complex phenomenon in the interior of naturally progressive paradigm affirmations]. *Psikhologiya soznaniya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Psychology of Consciousness: Current State and Prospects]. Proc. of the 2nd All-Russian Research Conference. Samara, 29th September to 1st October 2011. Samara. pp. 80-84. (In Russian).
7. Bratus', B.S. (1999) Lichnostnye smysly po A.N. Leont'evu i problema vertikal'noy soznaniya [Personal meanings by A. Leontyev and the problem of vertical consciousness]. In: Voyskunsky, A.E., Zhdan, A.N. & Tikhomirov, O.K. (eds) *Traditsii i perspektivy deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii: shkola A.N. Leont'eva* [Traditions and perspectives of the activity approach in psychology: A.N. Leontyev's School]. Moscow: Smysl. pp. 248-259.
8. Anan'eva, G.E., Boyko, O.E., Rikhvanova, M.L. & Murav'eva, O.I. (2007) Osobennosti struktury tsennostnykh orientatsiy u lyudey, zanimayushchikhsya dukhovnymi praktikami [The structure of axiological orientations of the people engaged in spiritual practices]. In: Kabrin, V.I. (ed.) *Kommunikativnoe izmerenie v psikhologicheskoy antropologii* [Communicative dimension in psychological anthropology]. Tomsk: Tomsk State University]. pp. 92-109.
9. Dzhdidar'yan, I.A. (2013) *Psikhologiya schast'ya i optimizma* [The psychology of happiness and optimism]. Moscow: IP RAN.
10. Dvoynin, A.M. (2011) *Psikhologiya veruyushchego: Tsennostno-smyslovye orientatsii i religioznaya vera lichnosti* [The psychology of the believer: Axiological orientations and religious belief of the person]. St. Petersburg: Rech'.
11. Busygina, N.P. (2009) Fenomenologicheskii i germenevticheskiy podkhody v kachestvennykh psikhologicheskikh issledovaniyakh [The phenomenological and hermeneutical approaches to qualitative psychological research]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 1. pp. 57-65.
12. Giorgi, A. (1997) The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure. *Journal of Phenomenological Psychology*. 28 (2). pp. 235-260. DOI: 10.1163/156916297X00103
13. Schafer, G. (2008) Romantic love in heterosexual relationship: women's experiences. *Journal of Social Sciences*. 16 (3). pp. 187-197.
14. Utkin, A.V. (2001) Identichnost' i smysly obrazovaniya [The identity and meaning of education]. In: Luk'yanov, O.V. (ed.) *Poisk identichnosti – ekzistentsial'nyy opyt v obrazovanii* [The search for identity – an existential experience in education]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Nemtsev, A.V. (2013) The sphere of meanings in consciousness of religious people: methodological foundations of inquiry. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 48. pp. 31-38. (In Russian).
16. Vasilyuk, F.E. (2005) *Perezhivanie i molitva (opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya)* [The experience and prayer (general psychological research experience)]. Moscow: Smysl.
17. Rozin, V.M. (2007) One More Time about the Possibility of the Orthodox "Holly Paternal" Psychology. *Psikhologiya: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 4 (4). pp. 113-120. (In Russian).
18. Frankl, V.E. (2000) *Osnovy logoterapii. Psikhoterapiya i religiya* [Fundamentals of speech therapy. Psychotherapy and religion]. Translated from English and German by D.A. Leont'ev, M.P. Papush, E.V. Eidman. St. Petersburg: Rech'.

Received 22.01.2014;

Revised 07.04.2015;

Accepted 22.06.2015